

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная
ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2019) Становление полицентрического мироустройства как продолжение геополитических процессов XX века // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 4. С. 6–31. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

Статья поступила в редакцию 10.08.2019.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций» в МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию оформившихся в последней четверти двадцатого века процессов, логика развертывания которых предопределила становление современной мирополитики, в частности роли в ней России. Автор исходит из презумпции объективности (т.е. независимости от чаяний и действий политических элит) и непрерывности исторического процесса, опираясь в доказательстве своей позиции на разнообразный корпус академической литературы, включающей работы отечественных и зарубежных историков, экономистов, философов, политологов, футурологов. Самоликвидация СССР и распад биполярного мира лишь на время приостанови-*

ли процессы, сформировавшиеся в недрах международной системы на исходе двадцатого века. «Усеченная» глобализация имела следствием «реактивное» накопление противоречий в отношениях как между «сверхцивилизацией» и остальным человечеством, так и внутри самих обществ, одержавших победу в холодной войне (деиндустриализация, «ориентализация» Запада под воздействием мощных миграционных потоков с исторического Юга, его неизбежная деградация в условиях исчезновения необходимого диалектического противовеса в лице Советского Союза, прогрессирующее сжатие общности экономически активного населения под воздействием естественных для севе-

роатлантических социумов демографических процессов и т.д.). Ревизии итогов холодной войны способствовали и такие обстоятельства, как материализация радикальных антизападных проектов («Исламское государство») и укрепление позиций новых влиятельных субъектов международной жизни, а также постепенное восстановление позиций России как мировой державы после распада СССР. Ход и логика всемирной истории поставили экзистенциальную проблему демонтажа Pax Americana и поиска нового глобального консенсуса, сердцевиной которого станет всеобщая/универсальная система коллективной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «конец истории», новые влиятельные субъекты, СССР, США, вашингтонский консенсус, усеченная глобализация, «ориентализация» Запада, расколота цивилизация, антиглобализм, турбокапитализм, полицентрическая организация мира, новый глобальный консенсус, Х. Макрей, Ч. Киндльбергер, У. Ростоу, Б.Р. Найяр, П. Бьюкенен

Воцарение Pax Americana после самоликвидации Советского Союза («конец истории»), как казалось в начале 1990-х гг. многим, рассматривалось и «академией», и обывателями как долгосрочная тенденция мирового развития. Впрочем, вспомним Вилли Брандта, одного из крупнейших государственных деятелей второй половины XX в., – история есть живой, вечно развивающийся процесс, подчас не подчиняющийся желаниям и установкам политических элит. Однако подобный подход к проблематике социально-политического развития скорее исключе-

ние, чем правило. Хорошо известно: в доминирующей в западных общественных науках англо-саксонской интеллектуальной традиции господствуют институциональные теории, для которых исходным пунктом рассуждений остается презумпция устойчивости возникшей системы, тогда как фактору динамических изменений придается второстепенное значение¹. Давно и справедливо отмечено: «Отдельные страны или народы то оказываются на переднем плане, то временно отходят в тень. В этом нет ничего “дискриминационного”. Нет народов имманентно отсталых, как нет и имманентно передовых» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979, с. 35]. Эволюция мировой системы в конце XX – начале XXI вв. подчиняется этой общеисторической закономерности.

«Конец истории» или метаморфозы межстадиального перехода?

Принято считать: время все составляет по своим местам. Так, при ретроспективном анализе эволюции системы международных отношений обнаруживается, что самоликвидация Советского Союза в 1991 г., которая современникам представлялась «геополитической катастрофой», представляла собой с точки зрения исторической науки начальный этап перестройки мировой политики, обретения последней полицентрической конфигурации. Формирующаяся в режиме реального времени полицентрическая организация мирового пространства имеет серьезную материальную/историческую подоснову. Говоря более конкрет-

¹ От этой фундаментальной/методологической предпосылки отталкивалась концепция «конца истории», по сути дела воплощавшая в себе идею Pax Americana, или американского неокOLONИализма.

но, распад СССР, породивший на Западе политико-психологический комплекс «триумфализма» (Х. Шмидт), заслонил от тамошних элит понимание реальных процессов в мировой экономике и политике, в общих чертах определившихся уже в середине 1980-х гг.

Происходившая в это время перегруппировка сил в глобальной политике (не всегда заметная авторам-публицистам) побудила авторитетного на Западе историка П. Кеннеди во второй половине 1980-х гг. сделать следующий вывод: «...технологические и социально-экономические изменения в мире происходят быстрее, чем когда-либо прежде, а международное сообщество ныне значительно разнообразнее, чем предполагали [ученые и эксперты]; оно не готово послушно соглашаться с решениями, предлагаемыми из Вашингтона и Москвы. [В настоящее время] баланс экономического и производственного влияния в мире уже не столь благоприятен для Соединенных Штатов, как это было в 1945 г. И даже в военно-политической области заметны признаки *перераспределения* (курсив мой. – А.В.) влияния в сторону от биполярной к многополярной системе...» [Kennedy 1989, p. 534]. Конкретизируя свою мысль о близящейся многополярности, П. Кеннеди подчеркивал, что «единственная угроза жизненным интересам [этой страны] состоит в неспособности [Америки] на разумных началах интегрироваться в формирующийся новый мировой порядок» [Kennedy 1989, p. 534].

Какие государства рассматривались как активные субъекты нового миропорядка? Назывались Бразилия, Аргенти-

на, Венесуэла, Южно-Африканская Республика, Нигерия (наиболее населенная страна континента), Египет (беспорный лидер арабского мира), Индия, Индонезия и т.д.² Вышеназванные государства еще тогда, во второй половине 1980-х гг., именовались «новыми влиятельными субъектами» (“new influentials”), интересы которых постепенно сказывались на формировании новой конфигурации международных отношений, пока в тенетах биполярного мира. Своеобразным объединяющим началом, позволявшим говорить о складывании новой *мирополитической общности*, стало стремление к *реальной субъектности*, отражавшее их долгосрочные интересы, не всегда совпадавшие с мотивами поведения тогдашних «сверхдержав» – США и СССР. Желание новых влиятельных субъектов диверсифицировать мировую политику, побудить сверхдержавы учитывать их интересы стало долгосрочной линией поведения, а впоследствии проявилось в возникновении таких международных диалоговых форматов, как IBSA (Индия, Бразилия, Южная Африка), БРИКС и т.п.

Распад Советского Союза, имевший следствием утверждение «униполярности», лишь притормозил развертывание мирополитических процессов, определивших свои очертания уже во второй половине 1980-х гг. Перед участниками новой перегруппировки сил в мировой политике встала задача, которую испробывающе сформулировал британский футуролог Х. Макрей: «Одной из важных задач первой четверти следующего [XXI-го] века станет умение [конструктивно] использовать зарубежный опыт

2 Показательно отсутствие в списке «кандидатов» Китая и (в меньшей степени) Турции. Видимо, эксперты полагали, что форсированный рост обеих экономических систем пока не трансформировался в новое геополитическое качество. К слову сказать, для авторов, подобных П. Кеннеди, Поднебесная была полноправным членом «пятицентриа», клуба, управлявшего мировой политикой, в который также входили США, СССР, Западная Европа и Япония [Kennedy 1989, pp. 447–458].

не только в повышении эффективности национальной промышленности, но и в укреплении дееспособности, витальности собственных обществ как таковых» [McRae 1995, p. 6]. Иначе говоря, «повестка развития» стала главной политической задачей не только новых влиятельных субъектов, но и подавляющей части государств – членом мирового сообщества.

Однако распад Советского Союза нарушил подобные планы: самоликвидация СССР положила начало «времени покорности» (“age of acquiescence”), как характеризовали сложившуюся в мире обстановку американские авторы леворадикального направления. Содержание термина «время покорности» состояло в том, что вторая сверхдержава до конца 1980-х гг. эффективно исполняла роль своеобразного диалектического противовеса Западу во главе с США. Самим фактом своего существования, альтернативности в мировой политике Советский Союз создавал своеобразный «оперативный простор» действиям развивающихся стран в международном пространстве и объективно расширял возможности для отстаивания «нонконформистских» взглядов значительной частью интеллигенции по обе стороны Атлантики. Наступившее «время покорности» объективно сужало поле идейного и политического маневра и для развивающихся стран (ныне «переходных экономик»), и для самостоятельно мыслящих сил на Западе, включая молодежь.³

Распад биполярного мира и утверждение Pax Americana со стороны поли-

тической экономии были обоснованы и институционализированы «вашигтонским консенсусом»⁴, тогда как программной идеологемой новой мировой ситуации стал глобализм, негласный свод правил, предписывавший сервильно-конформные модели поведения «остальным», т.е. основной части ойкумены. Одним из признанных идеологов новой парадигмы мирового развития стал небезызвестный Ф. Фукуяма, центральная идея сочинений которого – представление о «свободнорыночной глобализации» как движущей поведенческой силе непрерывного технологического процесса и действенного удовлетворения «нескончаемых» потребительских притязаний [Fukuyama 1992].

Однако «триумф» Запада, одержавшего победу в холодной войне, не аннулировал накопившиеся в мировой системе проблемы, которые не обнаружили тенденцию к разрешению и, более того, проявили свойство к накоплению, т.е. к наслаиванию старых противоречий на появляющиеся новые, спровоцированные логикой развития постбиполярного мира. «Деидеологизированный мир, – писал в начале нынешнего столетия американский исследователь М. Стегер, – это и наивность, и утопия. Первое десятилетие двадцать первого века быстро превращается в поле боя между противостоящими друг другу идеологиями. <...> Идеологическое противостояние вокруг смысла и направленности глобализации окажет глубокое воздействие на политическую и этическую проблематику нового века» [Steger 2002, pp. 4–5]. Затро-

3 Отсутствие альтернативности мирового развития («конец истории») беспокоило крупных западных интеллектуалов. Так, лауреат Нобелевской премии по экономическим наукам Ян Тинберген (Роттердам, март 1992 г.) поставил перед автором риторический вопрос: насколько адекватно последствия самоликвидации СССР просчитаны для России и остального мира наиболее активными участниками этого процесса?

4 «Вашингтонский консенсус» – набор принципов и норм регулирования социально-экономических процессов, альтернативных государственной интервенции. Данные «максимы» отражали стратегическую позицию администрации США, а также международных финансовых организаций – МВФ и Всемирного банка, ведущих американских аналитических центров.

нутыми этой борьбой оказались идеи и представления о мироустройстве, доминирующие нормы и ценности, а равно и «символы веры» массовидных общественно-политических («домашних» и транснациональных) сил.

Историю пишут победители – таков был лейтмотив *глобализации* как новой руководящей и направляющей мировой развитие «метафоры», которая вобрала в себя: примат экономического роста (и невнимание к *развитию*, включавшему в себя императивы занятости и смягчения социально-имущественных диспропорций); определяющее значение «свободы торговли» как стимулятора экономического роста; неограниченное национальным государством (в странах «второго» и «третьего» мира) действие сил «спроса и предложения»; необходимость свободы выбора (для победивших в холодной войне государств); резкое сокращение объемов этатистского интервенционизма (для развивающихся стран и переходных экономик); институционализацию западной парадигмы развития, якобы безальтернативной в любой социальной и культурной среде. Фактически речь шла о демонтаже *государства всеобщего благосостояния*, в котором смешанная экономика и политический плюрализм уравнивали действия стихийных рыночных сил и тем самым поддерживали общество в состоянии динамического равновесия. Новая рыночная парадигма в научных кругах получила название «турбокапитализма» [Luttwak 1999].

Турбокапитализм и глобализация (как «новая рыночная идеология») предполагали ограничение сферы деятельности государства поддержани-

ем условий общественного договора между властью и народом, реализацией оборонного заказа, обеспечением законности и порядка на территории страны. Власти предписывалось сосредоточить свою энергию на приватизации государственных предприятий, дерегулировании экономики (т.е. освобождении народного хозяйства от государственной опеки), снижении налогов (включая верхушечные группы населения), усилении контроля над организованным рабочим движением, сжатии объема социальных расходов.

Иначе говоря, триумфализм победы в холодной войне заслонил «стратегическим элитам» Запада понимание качественно усложнившейся после окончания Второй мировой войны организации мирового пространства. Оперирование идеями и теориями почти двухсотлетней давности было заведомо обречено на неудачу, поскольку подчинение основной части человечества логике западной модели глобализации не предполагало учет бесконечного множества интересов, которые с распадом биполярного мира не только не исчезли, но постоянно находили свое проявление в продолжавшихся локальных и региональных конфликтах, а равно и в прогрессирующем обострении *параметрических* проблем человечества – нехватки питьевой воды, недопотребления, интенсифицировавшихся миграционных потоков в сторону Запада,⁵ климатических изменений, деградации среды обитания, обострения положения в городах, причем не только Востока, но и Запада, и т.п.

Характерная для глобализации *компрессия времени и пространства* имела следствием, помимо прочего, уско-

5 В 1993 г. российский исследователь А.И. Неклесса выдвинул тезис об «ориентализации» Запада, которая определит динамику развития тамошних обществ на обозримую перспективу. Прогноз был построен на анализе направлений и интенсивности миграционных потоков с исторического Юга в зону промышленно развитых стран в послевоенный период.

рение относительно свободных от контроля национальных государств трансграничных потоков капитала, рабочей силы, идейных представлений, что начинало уже на рубеже тысячелетий оказывать противоречивое воздействие на экономику и общество самого Запада. Вдохновляемые развитием новых коммуникационных технологий, оперировавшие на глобальных рынках современные рантье и представители финансового капитала извлекали немислимые в условиях биполярного мира прибыли на рынках развивающихся стран, чьи финансовые и банковские системы были сознательно ослаблены идеями и принципами «вашингтонского консенсуса». Так, уже к концу 1990-х гг. только на глобальных валютных рынках ежедневно обращались денежные средства, эквивалентные почти двум триллионам долларов США [Gowan 1999, pp. 3–12].

Самоликвидация Советского Союза косвенно способствовала активизации деятельности транснациональных компаний в развивающихся странах. Не стесняемые ограничениями национального законодательства, ТНК создавали свой, дерегулированный глобальный рынок рабочей силы, объективно увеличивая территориальную мобильность последней. Контролируя более 70% мировой торговли, ТНК активно наращивали свое глобальное присутствие, тогда как объем прямых иностранных инвестиций в 1990-е гг. ежегодно увеличивался примерно на 15% [Gilpin 2000, p. 20].

«Вашингтонский консенсус» и неограниченная глобализация, однако, имели несколько важных и неоднозначных для Запада долгосрочных последствий.

Первое: демонтаж системы государственно-монополистического капитализма, созданной политикой «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, имел следстви-

ем фактический отказ от мер защиты производственного потенциала США, обеспечения занятости американских рабочих и повышения их уровня жизни. «Индекс упадка индустриальной Америки», согласно П. Бьюкенену, выглядит следующим образом. С декабря 2000 г. по декабрь 2010 г. в частнокорпоративном секторе Соединенных Штатов было утрачено более трех миллионов (!) рабочих мест, что являлось наихудшим показателем с периода 1928–1938 гг., причем в промышленности было утеряно более одной трети всех рабочих мест. За этот период кумулятивный дефицит внешнеторгового баланса составил 6,2 трлн долларов. Дефицит в торговле с Китаем за обозреваемый период достиг двух трлн долларов. Резко обострилась проблема занятости: штаты Нью-Йорк и Огайо потеряли 38% рабочих мест, тогда как для Нью-Джерси и Мичигана падение доли занятости оказалось еще значительнее: 39% и 48% соответственно [Buchanan 2011, pp. 15–16]. В разные времена, напоминает П. Бьюкенен, нации обретают жизненную силу за счет роста производства и институционализации *экономического национализма* и, напротив, регрессивное развитие есть следствие свободы торговли [Buchanan 2011, p. 17]. Правомерен вывод: деиндустриализация подтачивает жизненные силы и снижает творческую энергию общества, ослабляет *геополитические* позиции данной страны.

Второе: даже в отсутствие альтернативного *мирового проекта* (СССР и его союзники) глобализация имела следствием обострение противоречий *постбиполярного* мира, которые время от времени вырывались наружу (бывшая Югославия, события 11 сентября 2001 г., «иракский кризис» и т.п.). Помимо очевидного внешнего вмешательства во внутренние процессы суверенных государств значительное влия-

ние на поляризацию мирового хозяйства оказывали процессы политэкономического происхождения. Еще в начале XXI в. в литературе отмечалось: «усложнение процессов в мировом хозяйстве и обострение конкуренции выталкивает из гонки [глобализации] все возрастающее число наименее удачливых участников». К тому же углубление вовлеченности в процессы глобализации «может порождать нагнетание внутренних противоречий и увеличение всевозможных политических рисков» [Володин, Широков 2002, с. 141]. На обострение внутренних противоречий общества развивающихся стран, особенно исламские, подчас отвечали появлением организаций, целью которых становился радикальный пересмотр западного «мирового проекта». За появление «ревизионистских» школ, теорий и практик, тотально отрицавших глобализацию и глобализм (скажем, «Исламское государство»), ответственность несет и западная политическая мысль, прежде всего авторы, уверовавшие в «конец истории» и, по сути дела, отрицавшие качественные *стадиальные*/формационные различия экономической, социальной и культурной организации обществ Запада, с одной стороны, и незападных образований – с другой.

Принудительное включение в процесс глобализации преимущественно *докапиталистических* (в лучшем случае раннеиндустриальных) обществ вызывало естественное отторжение подобных принципов и практик в незападных социумах, население которых привыкло к иным формам регуляции экономической и культурной жизни, и закономерно порождало протест против навязываемого Западом миропорядка. «Формационная незавершенность» незападных социумов, недостаточная диверсификация их экономик на индустриальной основе, а равно и

форм регуляции общественных процессов исчерпывающе описаны в отечественном третьемироведении. Связь истории и современности в переходных обществах наглядно проявилась в эпоху глобализации. Отсутствие полноценного генезиса индустриального способа производства определило здесь безальтернативность направляющей роли государства. «Генезис и развитие капитализма, – писал во второй половине 70-х гг. прошлого века выдающийся советский специалист по экономической истории В.И. Павлов, – обретают формационную спонтанность и системность только при том непременном условии, что им предшествует образование столь же спонтанных и системных формационных предпосылок. Чем менее зрелыми и активными являются эти предпосылки, тем более возрастает роль государства как *формационно стимулирующего фактора* (курсив мой. – А.В.), оно по существу возмещает недостаток спонтанности, способности к саморазвитию. <...> В исторической действительности генезис самых жизнеспособных типов капитализма вроде нидерландского или английского не обходился без активной поддержки государства. Оно не останавливалось перед кровавым насилием ни при экспроприации трудового населения внутри страны, ни при осуществлении внешней экспансии» [Жуков, Барг, Черняк, Павлов 1979, с. 314]. Можно сказать: демонтаж принципов и практик этатистского дикризма в соответствии с канонами «вашингтонского консенсуса» поставил многие переходные общества (прежде всего африканские) на грань социального и культурного распада и породил своеобразный ответ в виде агрессивных политических «ересей» и интенсификации миграционных потоков в направлении промышленно развитых стран Запада.

Третье: неприятие глобализации в условиях Pax Americana приобрело двойной характер. С одной стороны, появились радикальные организации, ставившие перед собой задачу не только остановить процессы интернационализации экономики, политики, культуры на западный лад, но и подрыв общественных институтов в странах – эпицентрах глобализации. С другой стороны, протест принял форму интенсифицировавшихся миграционных потоков, потенциально способных кардинально изменить национально-этнический состав и цивилизационную матрицу и парадигму эволюции западных обществ.

«Ориентализация» Запада

Для понимания феномена «ориентализации» развитых социумов наиболее иллюстративен пример Нидерландов, по признанию многих экспертов – одного из наиболее толерантных обществ Запада. Первоначальные миграционные потоки (гугеноты из Франции, еврей-сефарды из Португалии и т.п.) немало способствовали экономическому росту и социальному процветанию голландского общества. Однако после Второй мировой войны отношение населения к проблеме миграции постепенно начинает меняться. «Образ Нидерландов как общества либерального, – отмечает голландский исследователь К. ван Зон, – становится все более противоречивым по отношению к социально-политическому климату общественной жизни. Начало третьего тысячелетия стало свидетелем взрывного роста право-популистских партий и поляризации голландского общества. Мультикультурализм стал одной из центральных тем развития страны. Адаптация и ассимиляция мигрантов, в своем большинстве неевропейского

происхождения и исламского вероисповедания, и порождаемые ими проблемы стали наиболее важными темами общественных дебатов» [van Zoon 2009, p. 1].

Статистическим выражением миграционных потоков на Север стал рост *иноцивилизационного* субстрата в этнодемографической структуре населения стран Запада. Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Бельгия – вот далеко не полный перечень промышленно развитых обществ, потенциально подверженных возможному цивилизационному «разлому» в недалеком будущем.

Миграционные потоки формируют новую социально-классовую структуру в странах Запада. Возникновение «островов» Юга на Севере имеет следствием появление массовидных общностей, которые занимают позиции у самого основания социальной пирамиды и которые под воздействием *демонстрационного эффекта* потребления начинают предъявлять требования о повышении жизненного уровня мигрантов. Сейчас все труднее отделить мигрантов по экономическим мотивам от вновь прибывших, недовольных политическими порядками у себя дома. Помимо этого, качество образования, уровень профессиональной квалификации, способность (точнее, неспособность) интегрироваться (поведенчески, культурно, лингвистически) в принимающее общество, как правило, имеет следствием массовое вовлечение мигрантов в деятельность криминальных структур или работу в «серой» экономике, «что неизбежно усиливает репрессивные меры государства развитых стран» [Володин, Широков 2002, с. 132].

Глобализация на западный лад, объективно подтачивая вековые цивилизационные основы обществ-лидеров, еще в середине 1990-х гг. побудила наи-

более пронизательных экспертов поставить вопрос о перспективах целостности и жизнеспособности/витальности тамошних обществ. Так, уже упомянутый авторитетный британский аналитик-прогнозист Х. Макрей критически оценивал возможности США сохранить позиции общества-авангарда в результате миграционно-демографического кризиса: «Управление переходом Соединенных Штатов от доминирования бело-европейской культуры к подлинно многограсовому обществу (сейчас принято говорить «мультикультурному». – А.В.) представляет собой главный вызов Америке в ближайшем будущем. Неудача разрушит американскую мечту, тогда как процесс перехода испытает на терпимость и приспособляемость [к новым обстоятельствам] нацию в условиях более суровых, нежели все предшествовавшие изменения в ее необыкновенной истории» [McRae 1995, p. 272]. Странам Западной Европы, оказавшимся в миграционном водовороте, автор предсказывал неизбежность этнических чисток наподобие тех, что имели место после распада некогда единой социалистической Югославии [McRae 1995, pp. 271–272].

«Усеченная» глобализация и ее последствия

Связь между ускорением глобализационных процессов после распада СССР и интенсификацией миграционных потоков в страны Запада очевидна. Глобализация уже в 1990-е гг. приобрела характер «триадизации», т.е. ее основными бенефициарами стали США, Западная Европа и Япония, тогда как реального, системного вовлечения развивающихся стран в процессы интернационализации не произошло. Такую модель глобализации известный в академиче-

ской среде экономист Б.Р. Найяр назвал «усеченной» (“truncated”) [Nayar 2005]. Основные действующие лица глобализации – это ТНК США, Японии, Великобритании, Франции, Италии, Германии, Швейцарии, Испании. Концентрация экономической власти на одном «полюсе» имела следствием пауперизацию основной части населения человечества и, как это нередко бывает, породила проекты радикального переустройства мировой экономики и международных отношений.

Однако помимо концентрации экономической власти у ТНК и маргинализации значительной части человечества (прежде всего в переходных обществах), глобализация породила еще один процесс, последствия которого Запад испытал на себе уже в начале третьего тысячелетия. Поляризующий эффект глобализации, действующий в соответствии с принципом «победитель получает все», практически не затронул базовые экономические интересы *новых индустриальных* стран (как их именовали в науке 1970–1980-х гг.) Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Хозяйственные системы, в число которых принято включать Южную Корею, Тайвань, Сингапур, наиболее развитые страны группировки АСЕАН, оказались бенефициарами глобализации – во многом благодаря выводу производственных мощностей из Соединенных Штатов, Западной Европы и частично из Японии.

Как остроумно заметил П. Бьюкенен, Америка решила создать взаимозависимый, глобальный мир, опираясь на идеи «мечтателей XIX века», таких как Д. Рикардо, Р. Кобден, Дж.Ст. Милль и других [Buchanan 2011, p. 12]. Такого рода эксперимент со *свободой торговли* потерпел фиаско в XIX в., когда адепт фритреда Великобритания была оттеснена на второй план мировой экономики сначала

Америкой, а несколько позже – Германией. Либерализация наиболее емкого в мире американского рынка имела несколько долгосрочных для Соединенных Штатов последствий. Во-первых, на этот рынок устремились товары не только западноевропейских и японских производителей (этот процесс начался в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг.); все более вольготно стали чувствовать себя на американском пространстве «тигры» Восточной и Юго-Восточной Азии: Южная Корея, Тайвань, Малайзия и Сингапур. Однако наибольшие выгоды из «вашингтонского консенсуса» извлекла Поднебесная: в 1994 г. Пекин сделал «стратегический ход», девальвируя национальную валюту на 45%, удешевив и без того недорогую рабочую силу и тем самым пригласив в Китай «на заработки» заинтересованные в извлечении максимальной прибыли ТНК. Уже в 2008 г. дефицит Америки в торговле с Китаем составил 266 млрд долларов [Buchanan 2011, p. 13]. Во-вторых, неолиберальное «богословие», при непротивлении администраций Клинтона и Буша-младшего (мало интересовавшихся реальной экономикой), по сути дела стало своеобразной индульгенцией для американских предпринимателей, начинавших выводить свои предприятия в развивающиеся страны, где соотношение «цена – качество» рабочей силы создавало более благоприятные возможности для извлечения прибавочной стоимости. Обратной стороной этого процесса стали прогрессирующая *деиндустриализация* народного хозяйства и *декомпозиция* высококачественной рабочей силы в Америке и других ведущих странах Запада.

Поляризация в развитии системы производительных сил, например в США, имела следствием оформление двух типов городов/«поясов»: «солнечного пояса» (города штатов юж-

нее 36-й параллели) и «пояса ржавчины», включая главные индустриальные центры, Детройт и Кливленд. Новый кризис городов, считает авторитетный американский урбанист Р. Флорида, «простирается еще дальше и проникает глубже, чем предыдущий (1960-х и 1970-х гг. – А.В.). ... Этот кризис жестоко бьет как по старым промышленным городам “Ржавого пояса” США, так и по переживающему упадок постиндустриальному северо-востоку Англии... Новый кризис влияет и на растущие города с неустойчивой экономикой, зависящей от энергетики, туризма и недвижимости. <...> Выходит, что новый городской кризис – это также кризис пригородов, самой урбанизации и современного капитализма в целом» [Флорида 2018, с. 5–6]. Стоит напомнить: города как хранители исторической традиции и катализаторы социальных перемен в американских общественных науках неизменно рассматривались как важнейший источник жизненной энергии («пассионарности») народа, напрямую влияющей на активную политику США во внешнем мире.

Миграционные потоки, отмечал в середине 1990-х гг. патриарх современного обществознания У. Росту (1916–2003), меняют не только этно-демографическую конфигурацию американского социума. Так, в одном из ключевых штатов «солнечного пояса», Техасе, национальный состав населения претерпевает довольно быстрые изменения. Если существующая траектория демографических изменений сохранится, то к 2030 г. англофонное население (Anglos), в 1990 г. составлявшее около 60%, упадет до 37%, тогда как *испаноязычные* (Hispanics) составят 46% населения штата [Rostow 1998, p. 159]. Неизбежные последствия такого рода сдвигов – рост населения за «чертой бедности», падение доходов домохозяйств, дальнейшая социально-имуществвен-

ная поляризация населения штата. У. Ростоу добавляет: в настоящее время около 40% ежегодно пополняющих состав экономически активного населения США – это иммигранты [Rostow 1998, p. 158]. Как правило, их квалификация значительно уступает интеллектуально-профессиональному уровню англофонов, что заведомо снижает жизнеспособность/вitalность американской экономики.⁶ Аналогичные процессы с определенным временным лагом можно наблюдать в других развитых странах Запада.

В 1990-е гг. за Америкой и Западом закрепились такие характеристики, как «монополюсная цивилизация», «универсальная цивилизация», «сверхцивилизация» [Ильин, Иноземцев 2001, с. 29–59; 235–260]. Однако уже в начале третьего тысячелетия было очевидно, что главным «конструктором» будущего мироздания в его цивилизационно-культурной и производных ипостасях будет практически неконтролируемый рост народонаселения с интенсивными миграционными потоками в северном направлении. «Демографические процессы, – писал автор настоящих строк в конце 1990-х гг. – <...> уже сейчас вызывают необратимые сдвиги в социальной структуре развитых стран, поскольку контроль над миграционными потоками находится за пределами возможностей национальных государств Запада. <...> “Тьермондизация” обществ развитых стран – явление необратимое. Именно с данным мегатрендом придется сопрягать все другие мегатенденции. Именно под этим углом зрения следовало бы вероятно, уточнить сами идеи “сверхцивилиза-

ции” и “противоцентра” (т.е. сил, противостоящих Pax Americana. – А.В.). Гораздо более типичным, чем внешнее и географически акцентированное противопоставление цивилизации и варварства, ядра и периферии, свойственное уходящим временам, сегодня все более значимым становится противоречие внутреннее. “Сверхцивилизация” оказывается *расколотой* (курсив в тексте. – А.В.), а возникающий в ней ее собственный “третий мир” способен стать куда более опасным “противоцентром”, чем можно было бы вообразить в логике уходящего века» [Ильин, Иноземцев 2001, с. 290, 291].⁷

Постоянное разрушение культурных, лингвистических и институциональных (под воздействием миграционных потоков с Юга) основ, обеспечивавших относительную *гомогенность* и целостность «североатлантической цивилизации», по-видимому, вызвали ответную интервенционистскую реакцию США и их союзников в виде «экспедиций» в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.). Администрация Дж. Буша-младшего пыталась тем самым продлить «момент монополярности» (“unipolar moment”, как определил состояние человечества в конце XX – начале XXI вв. американский политолог Ч. Краутхаммер) и одновременно показать остальному миру, что Америка остается его ведущей и направляющей силой. Неудача планов по «умиротворению» Афганистана и Ирака стала, очевидно, исходным пунктом новой глобальной перегруппировки сил, целью которой было формирование иной, полицентрической конфигурации мировой системы.

6 Цивилизационный «разлом» американского общества, с особой силой проявившийся на президентских выборах 2016 г., не более чем переход количественных изменений в новое качественное состояние. В сущности, всерьез началась политическая борьба за сохранение европейских основ американской культуры и американского общества.

7 В принципе этнодемографические сдвиги в перспективе могут иметь следствием и пересмотр основных направлений политики западных государств, о чем писал в середине 1990-х гг. У. Ростоу [Rostow 1998].

«Борьба двух систем» как источник жизнеспособности Запада

Свои жизненные силы и энергию или, *пассионарность* (если воспользоваться стилистикой Л.Н. Гумилева) «североатлантическая цивилизация» черпала из мощного источника, т.е. из наличия дееспособного «противоцентра» – Советского Союза и социалистического содружества. «Борьба двух систем» заставляла обе стороны, чтобы не оказаться в аутсайдерах, постоянно совершенствовать свои экономические системы, научно-технический и военный потенциал, изобретать все более изощренные приемы идеологического противоборства. Возникла своеобразная положительная инерция движения Запада вперед, в чем немалую (хотя и непрямую) роль играл Советский Союз. В содержательном смысле самоликвидация СССР стала для Запада реальным концом истории, поскольку она лишила всю североатлантическую систему *внешних* импульсов к *внутреннему* саморазвитию, тогда как спонтанные силы модернизации западных социумов оказались недостаточными для реализации проекта *Rax Americana*.

Угасание диалектических импульсов межсистемного соперничества имело следствием множество негативных для Америки и Запада в целом последствий. На наш взгляд, стоит обратить внимание на одно из таковых. Уже отмечалось: распад СССР негативно сказался на жизненном тоне американского общества. Наступила эпоха, которую в Америке язвительно нарекли «временем покорности». Время покорности – это не только давление на организованное рабочее движение (начавшееся, как известно, раньше – в президентскую легислатуру Р. Рейгана) и университеты как на потенциальный источник свободной мысли. Скверным для будущего

Америки (и коллективного Запада) было постепенное исчезновение из общественного дискурса независимого мнения – эффективного инструмента обратной связи общества и власти, с одной стороны, и утверждение *конформистских* моделей поведения на всех «этажах» политической системы – с другой.

Последствия не заставили себя ждать: политика начинала утрачивать *соревновательный* характер, борьба идей постепенно вытеснялась противостоянием личностей. Отрицательные перемены претерпевали и критерии набора в элиту западных обществ. Место ярким индивидуальностям уступали тусклые, бесцветные персоналии, готовые в случае необходимости действовать по сервильному принципу «чего изволите?». А западные общества тем временем претерпевали серьезные изменения в распределении национального дохода: глобализация в Америке, например, имела следствием усиление поляризации общества. В 2018 г. 78% американцев, согласно опросам общественного мнения, существовали в режиме «от зарплаты до зарплаты» (“*paycheck to paycheck*”). Субъективное восприятие собственного положения, видимо, имеет объективный характер, поскольку, согласно расчетам американских экономистов, только 20% экономически активного населения удалось «встроиться» в институты и практики глобализации, тогда как остальные 80% чувствовали себя исключенными из процесса развития. Таким образом, и в самой Америке глобализация имела *усеченный* характер, она усиливала внутреннюю разобщенность и напряжение в обществе. Аналогичные процессы развивались и в Западной Европе.

Усложнение международной ситуации (или кризис *униполя*) обнаружило беспомощность западных элит, не способных принимать адекватные решения и эффективно действовать в усло-

виях, когда на неразрешенные застарелые проблемы наслаивались новые, еще более сложные, требовавшие и творческого, нестандартного подхода, и действенной, оперативной реакции. Складывалось впечатление, что для современных западных элит *стратегия* является непознаваемой, умозрительной категорией, тогда как их действия есть не что иное, как инстинктивные реакции, имеющие в лучшем случае *тактический*, сиюминутный характер. Беспомощность порождала поиски внешних врагов, не подчиняющихся логике «конца истории» и не желающих вписываться в поведенческие модели, предписываемые кодексом взаимоотношений, установленным в Pax Americana.

«Триумфальное шествие» западного проекта заканчивалось, и со всей неотложностью встал вопрос о *реорганизации* мирового пространства, реорганизации, отражающей новую расстановку сил на глобальном и региональном уровне. Исходный хронологический рубеж переформатирования мирового пространства определить сложно. Видимо, условным водоразделом между старым и новым геополитическим временем можно считать неудачные интервенции Запада в Афганистан, а затем в Ирак. При ретроспективном анализе тех событий выясняется, что иракская экспедиция послужила толчком к созданию радикально-агрессивного антизападного политического проекта, вскоре приобретшего форму «Исламского государства».⁸

Институционализация ИГ стала первым зримым свидетельством *системного* кризиса *усеченной* глобализации. Фактически «противоцентр» в

лице ИГ добивался перераспределения материальных и финансовых ресурсов на глобальном уровне, отказа Запада от восторжествовавшего после распада СССР *поляризованного* типа мирового развития, права на свободу выбора культурных и поведенческих ориентаций. Иными словами, в радикальной форме глобализацию сверху предполагалось заменить глобализацией снизу, которая позволила бы улучшить социально-имущественное положение маргинализированных и пауперизированных групп населения в мусульманских и других развивающихся странах. Видимо, антиглобалистская повестка, транслированная в доступных массовым слоям населения формах, обусловила поддержку идей ИГ среди массовых слоев населения в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

Антиглобализм и его течения

Феномен ИГ (и других радикальных исламистских организаций) сложился и развивался в контексте постоянно усложняющейся мировой идейно-политической ситуации, активными участниками которой были: *экономические националисты* типа П. Бьюкенена в США, сторонники Й. Хайдера и его Партии свободы в Австрии, Ж.-М. Ле Пен и его партия «Национальный фронт» во Франции, Германский народный союз Г. Фрая, Итальянский национальный альянс Дж. Фини и т.п. Национально-популистские организации формировались в недрах социальной структуры стран Запада, и лейтмотивом их деятельности стало сопро-

8 В октябре 2006 г. в результате объединения нескольких радикальных группировок было создано новое политическое образование «Исламское государство Ирак». Общая площадь контролируемой ИГ территории в 2014 г. достигала более 100 тыс. кв. км, тогда как численность проживающего в этом ареале населения составляла около 8 млн чел. ИГ располагало идеологией, политической программой, а также на подвластной территории осуществляла «шариатский» социально-экономический курс.

тивление «глобализации американского стиля», подрывающей национальное государство и навязывающей остальному миру (в форме культурной глобализации) *наднациональные* (по сути дела, *конформистские*) модели сознания и поведения.

Объективно противодействовали усеченной глобализации и левопопулистские режимы и движения, прежде всего в Латинской Америке (партия У. Чавеса в Венесуэле, сапатисты в Мексике, правительство Ж.-Б. Аристиды на Гаити и т.д.). Активную деятельность по демонтажу «вашингтонского консенсуса» развернули некоторые неправительственные организации, добивавшиеся защиты среды обитания, гендерного равноправия, решения остро драматических проблем занятости и социальной справедливости [Steger 2002, pp. 84–85]. Разумеется, эти силы опирались на разные группы поддержки в обществе. Однако активизация их деятельности однозначно указывала на накапливавшееся недовольство народа в различных странах и регионах и, в сущности, ставила проблему концептуального пересмотра порядка, установленного после 1991 г. Так, во время визита в Китай (1999 г.) президент Венесуэлы У. Чавес заявил: распад Советского Союза не означает, что «неолиберальный капитализм станет эталонной моделью для населения Запада» [Gott 2000, p. 190]. Уже тогда зазвучал призыв к солидарным действиям стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Азии, которые рассматривались боливарианским лидером как действенный инструментальный сопротивления неолиберальной версии глобализации.

Эффективность идеологии *популизма развития* (если воспользоваться дефиницией 1970-х – начала 1980-х гг.) измерялась в конечном счете жизненными обстоятельствами: если, например, в 1973 г. перепад уровней доходов в наи-

более и наименее развитых странах составлял 44:1, то к началу третьего тысячелетия разрыв между «центром» и «периферией» стал просто вопиющим – 74:1. Число проживающих за *чертой бедности* (по классификации ООН) возросло с 1,2 до 1,5 млрд чел. к началу XXI в. К 2000 г. 25% мирового народонаселения имело подушевой доход менее 140 американских долл. в годовом исчислении [Pogge 2000, pp. 37–43].

Одним из «фундаментальных» откликов на вызовы неолиберальной глобализации стала *интернационализация* деятельности организаций гражданского общества. Объединение противников глобализма постепенно формирует альтернативный дискурс, способствует складыванию новой идентичности на транснациональной основе (точнее, эгалитарного антиглобалистского политического сознания и политической культуры), подталкивает к складыванию трансграничных альянсов поверх географических, этно-национальных и профессионально-классовых барьеров. Альтернативный проект глобализации включал в себя следующие опорные принципы: возвращение этических начал в международные отношения, равенство возможностей при участии в глобализации («глобализация для всех»); демократизация мировой политики на основе реального участия «периферийных» стран в выработке и осуществлении стратегических решений; признание многообразия современного мира как единства «классических» и «неклассических» гражданских обществ. Противники неолиберализма исходили из того, что существующая модель глобализации провоцирует вселенский хаос и может иметь следствием неконтролируемые США и их союзниками «параметрические» последствия (трансформация локальных и региональных конфликтов в общемировые, необратимая деградация

среды обитания, неподвластные правительствам миграционные потоки из переходных обществ в зону «золотого миллиарда» с неизбежным изменением цивилизационно-культурного кода западных обществ и т.д.). Своеобразной пробой сил для антиглобалистов можно считать столкновение примерно 40 тыс. демонстрантов с полицией во время конференции ВТО в Сиэтле, США, 30 ноября – 1 декабря 1999 г.

«Битва при Сиэтле», как впоследствии стали именовать это событие, явилась своеобразной кульминацией таких опасных для глобалистов событий, как азиатский экономический кризис 1997–1998 гг., экономический дефолт в России (август 1998 г.), массовые забастовки во Франции зимой 1998 г., коллапс ряда крупных американских и западноевропейских инвестиционных фондов. Указанием на серьезность ситуации стал призыв одного из «пастырей» глобализации Дж. Сороса отказаться от разрушительной «идеологии рыночного фундаментализма» и выработать «новый курс» глобализации.

Таким образом, в преддверии третьего тысячелетия начинает складываться весьма неоднородная в социальном, культурном и идейно-политическом отношении коалиция сил, которую можно рассматривать как часть «противоцентра» неолиберальной модели глобализации. В эту своеобразную коалицию входили всевозможные организации гражданского общества, антиглобалистские движения (группировавшиеся вокруг таких организаций-форматов, как Мировой социальный форум). Наконец, в конце 1990-х гг., после азиатского финансового кризиса, на новой идейной основе изменения характера глобализации начинает возрождаться Движение неприсоединения. Вдохновителем и организатором этого процесса становится премьер-министр Малайзии Мохатхир

Мохаммад; в мировом пространстве появляется организационная платформа «противоцентра», теперь на межгосударственном уровне.

Лагерь глобалистов: состав и структура

В связи с изменением расстановки сил на глобальном уровне возникает вопрос: какие силы входили (входят) в «руководящую и направляющую» коалицию? Наиболее общий (и поверхностный) ответ: транснациональные корпорации (ТНК) и правящие группы (вне зависимости от партийной принадлежности) трех гравитационных центров глобализации (в прошлом – мирового капиталистического хозяйства) – Соединенных Штатов, Западной Европы, Японии, а также находящихся от них в многосторонней зависимости государств североатлантического пространства и, отчасти, Тихоокеанской Азии. Впрочем, такие события, как битва при Сиэтле (1999 г.), показали: внутри развитых стран существует серьезная оппозиция неолиберальным глобализационным проектам.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились работы, в которых активные сторонники глобализации характеризовались как «транснационалы» [Huntington 2004] или как «космократы» [Micklethwait, Wooldridge 2000, pp. 241–242]. Каковы национальные, экономические, политические и культурные границы/параметры этой своеобразной общности? «Новая глобальная элита», отмечает в этой связи С.П. Хантингтон, включает в себя: представителей занятых практической деятельностью академических кругов, служащих различных международных организаций, высший персонал ТНК, предпринимателей в интернационализованных высокотех-

нологичных отраслях промышленности, работников крупнейших банков, биржевых маклеров, юристов-международников, консультантов крупных корпораций и т.п. В 2000 г. их численность по всему миру оценивалась в 20 млн чел., тогда как к 2010 г. ожидалось удвоение этой общности. Около 40% этой транснациональной группы – американцы [Huntington 2004, p. 268]. Понятно, что поведенческие модели «транснационалов»/«космократов» основаны на ценностях глобализации, а национальные государства в их представлении – это некий «архаизм» в постоянно уплотняющемся мире. Эта «публика» ориентирована на ценности *мультикультурализма* и практически не связана «эмоциональными» узами со страной проживания. Таким образом, союз «транснационалов» с антиглобалистами уже не только экономический (безразличие к судьбе национальных рынков); он по сути дела имеет глубокие *культурные* основания.

Однако *горизонтальная* кооперация и консолидация различных подразделений *новой глобальной элиты* может быть действенной только при наличии как минимум *трех* предварительных условий: 1) неоспоримого экономического и научно-технологического превосходства коллективного Запада над «остальными»; 2) военно-политического потенциала и готовности его использовать «в случае необходимости» против стран-диссидентов, отказывающихся следовать «генеральной линии»;

3) готовности государств – *объектов* глобализации добровольно подчиняться решениям, исходящим из «программирующего центра».

Предположительно Pax Americana функционировал до «экспедиционной миссии» США и Англии в Ирак (2003 г.). Неудача этого предприятия подтолкнула развитие потенциально ущербных для Америки процессов (которые прежде находились в *латентном* состоянии) и под воздействием отрицательного для Запада «демонстрационного эффекта» в мировом пространстве. Иначе говоря, «временные трудности» постепенно приобрели очертания «отступления империи».

Сегодня можно утверждать, что западные элиты стали заложниками собственных иллюзий. Триумфализм как идейное наследие «победоносной» холодной войны застрял в сознании правящих кругов США и их союзников, массивно подпитываемый тамошней «академией» в виде концепций «конца истории», «безальтернативности» развития и им подобных. С одной стороны, агрессивно навязывая остальному миру *усеченную* глобализацию, Запад собственными руками создавал *противоцентр* своей политике. С другой стороны, триумфалистские идеи и концепции разоружали «золотой миллиард» не только идейно, но и, так сказать, физически, демобилизуя активные слои населения грезами о единственно возможном пути развития человечества.⁹

9 Комплекс превосходства, или колониальный стиль мышления испокон веков систематически внедрялся в массовое сознание некоторых западных обществ. Возникает невольная ассоциация с отношением англичан к индийцам, на что в свое время обратил внимание Дж. Неру: «Эти люди (чиновники Индийской гражданской службы, “самого цепкого профсоюза в мире”, по определению одного из английских писателей. – А.В.) управляли Индией, <...> и все, что ущемляло их интересы, неизбежно считалось вредным для Индии... Эта идея распространилась в той или иной степени в различные слои английского народа. <...> даже английские рабочий и фермер <...> подпали под ее влияние и, несмотря на подчиненное положение у себя на родине, испытывали гордость владельцев и властелинов. <...> В лучшем случае он (рабочий или фермер. – А.В.) был преисполнен смутного благожелательства, но такого, которое не выходит за строгие рамки данной системы» [Неру 1955, с. 310]. Время показало: механизм индоктринации массового сознания остался практически неизменным. Разве что инструменты и механизмы обработки общественного мнения стали более современными и «утонченными».

Концепции и прогнозы нового мирового порядка

В западной общественно-политической мысли постбиполярного времени существовал, однако, и трезво-аналитический взгляд и на «триумф» холодной войны, и на перспективы коллективного Запада в мировой экономике и политике. Так, выдающийся экономист, один из архитекторов «плана Маршалла» Чарльз Киндльбергер сочувственно реагирует на высказанное в начале 1990-х гг. будущим лауреатом Нобелевской премии П. Кругманом предположение, что Америку может ожидать время «склероза и упадка» [Kindleberger 1996, p. 190]. Впрочем, ученый в своих прогнозах будущего мировой экономики пошел дальше, уклонившись от прямого ответа на вопрос, какая страна станет в обозримой перспективе обществом-лидером [Kindleberger 1996, p. 228]. Экономист и социолог Л. Туроу в конце XX в. поставил проблему будущего Америки и Запада в целом в более широкий контекст жизнеспособности/вitalности данных обществ: «Опасность не в том, что капитализм взорвется изнутри, подобно коммунизму. В отсутствие дееспособного конкурента, в лагерь которого могут ринуться недовольные существующей системой массы, капитализм не может саморазрушиться. Экономические системы фараонов, [Древнего] Рима, Средневековья и мандаринов (т.е. Китая классической эпохи. – А.В.) также не имели конкурентов и просто стагнировали веками,

пока наконец не исчезли [как класс]. [Именно] стагнация, а не коллапс является [реальной] опасностью» [Thurow 1996, p. 325].

В западном общественном сознании конца XX – начала XXI вв. размышления о будущем Pax Americana сосуществовали с прогностическими оценками оптимального для Америки и ее союзников алгоритма поведения в международной среде, имеющего целью сохранить лидирующие в мире позиции. Представляется концептуально значимой целеустановка патриарха американской экономической и социологической науки Уолта Ростоу (1916–2003). Сформулировав парадигму державы «критической массы» (critical margin), У. Ростоу отмечал: «США располагают значительной массой [экономической] мощи и [политического] влияния [в мировом сообществе], когда они выражают устремления большинства и готовы фундаментально риторикой конкретными действиями. <...> Соединенные Штаты не могут навязать свою волю другим странам как держава-гегемон, однако крупные начинания в мировом пространстве трудно реализовать без нашего активного участия» [Crouzet, Clesse 2003, p. 273]¹⁰.

Ч. Киндльбергер, У. Ростоу и Л. Туроу, будучи частью «стратегической элиты» Америки (ибо их идеи подпитывали государственный курс США), естественно, были осторожны в своих оценках будущего. Начавшаяся деиндустриализация западных экономик начинала тревожить и «верхи» (власть), и «низы»

10 Эту же мысль, только в полемически отточенной форме, отчетливо выразил Н.А. Симония: «Несмотря на старания мощной американской пропагандистской машины и многих зарубежных и отечественных экспертов, отстаивающих идею "однополюсного мира", "сверхдержавность" США принадлежит уже историческому прошлому, является наследием или пережитком этого прошлого. Перспектива же для США – это трансформироваться в первую, но среди равноправных, державу мира. Все попытки доказать обратное усилением военных аспектов своего могущества на международном поприще не приносят никакого успеха, оказываются неэффективными, но высокочатратными и потому могут лишь усугубить и без того незавидное положение США как крупнейшего должника мира» [Петров 2011, с. 11].

(предпринимательское сословие). Так, президент Франции Ж. Ширак (1995 г.), оценивая возросшую роль финансово-го капитала в мировом хозяйстве, высказался вполне определенно: «Спекуляция – это СПИД наших экономик» [Saul 2005, p. 144]. Постбиполярная глобализация подрывала жизнеспособность капитализма и олицетворявшего его Западу. Поведенческие принципы лидеров глобализации по сути дела отрицали капитализм как индустриальный способ производства, поскольку крупные корпорации: 1) избегают создания новых предприятий, что могло бы иметь следствием понижение цен на промышленные товары; 2) усиливают контроль над рынком посредством снижения конкуренции; 3) повышают свои прибыли, опять же за счет снижения конкуренции; 4) пытаются минимизировать финансовые риски, ограничивая число участников рынка [Bichler, Nitzan 2004, pp. 255–327]. Подобное «нерыночное» поведение в конечном счете вызвало ожидаемый демонстрационный эффект во многих развивающихся странах/переходных экономиках. Благоговейное (а подчас и подобострастное) отношение к Америке и Западу постепенно уступает место трезвовзвешенному взгляду на происходящие события, подталкивая «остальных» к поискам новой внешнеполитической парадигмы.

Социально-психолого-политический тонус общества в странах Азии, Латинской Америки и Африки начинает меняться. Завершающим аккордом развенчания западной, прежде всего американской, модели капитализма, считает Н.А. Симония, стал кризис 2007–2009 гг. «До кризиса у многих политиков и интеллектуалов в Азии все еще теплилась вера в то, что, несмотря на, как им казалось, отдельные промахи, западная экономическая теория и практика были лучшими в мире. Но <...> кризис и глобальная рецессия

заставили многих азиатов поставить под вопрос западную компетентность» [Петров 2011, с. 25]. Однако, как представляется, сомнения в жизнеспособности глобализации по-американски появились на Западе уже в конце двадцатого века. Сложность идентификации перемены настроений в западном бизнес-сообществе состояла, видимо, в «закрытости» для внешнего наблюдения данной среды, в нежелании отклоняться от корпоративной этики, не предполагающей широкие «тематические» дебаты даже по жизненно важным для бизнеса проблемам. Бизнес-среда, отмечает Дж.Р. Соул, «это мир пирамидального порядка, повиновения внутри организаций (корпораций. – А.В.) и солидарности среди руководящих фигур» [Saul 2005, p. 144].

Финансовый и экономический кризис 2007–2009 гг., очевидно, стал инструментом и движущей силой разрушения *межгосударственной коалиции*, в 1991 г. заявившей своей политической «лоцией» принципы «вашингтонского консенсуса». Траекторию этого весьма сложного эволюционного процесса (развивавшегося, впрочем, в форсированном по меркам мировой истории режиме) можно схематично представить следующим образом. *Усеченная* глобализация размывает внутренние жизненные основы западного проекта, с одной стороны, и провоцирует и обостряет конфликты с «остальными» и между развивающимися странами (как и внутри последних) – с другой. Кризис глобализации подрывает дееспособность как национальных (переходные общества), так и международных институтов. Ослабление международных институтов в условиях нарастающей *поляризации* мирового развития создает благоприятную среду для международных конфликтов, которые в высшей точке своего проявления приобретают форму *столкновения цивили-*

защит. Возникающий в ходе процессов деструкции и декомпозиции (социальных структур) вакуум власти и управляемости требует заполнения мирового пространства новыми идеями и новыми действующими лицами («актерами»). Безальтернативность глобального развития оказывается *фикцией*. Материализуется необходимость новой модели мировой политики, а равно и потребность в появлении новых элит, способных ответственно и компетентно управлять постоянно усложняющейся международной системой.

Распад Советского Союза, *противоцентра*, стимулировавшего жизненные силы Запада, имел для Америки и ее союзников двойные последствия. С одной стороны, самоликвидация СССР «заслонила» активный экономический рост и развитие в Китае, Индии, Индонезии и других незападных обществах, чем ослабила бдительность западных элит, имела следствием их *демобилизацию*, в том числе идейную, снизила жизненный тонус западных обществ, для которых бывший Советский Союз был сильным и постоянным стимулом развития. С другой стороны, отсутствие *историзма* в восприятии мирового развития, зримым проявлением чего был «конец истории» и аналогичные построения Ф. Фукуямы концепции, лишил правящие круги Запада возможности трезво взглянуть на эволюцию российского общества после распада советской «империи». На этом обстоятельстве стоит остановиться более подробно.

Образования имперского происхождения (Древний Рим, Византия, Британия, Австро-Венгрия, Советский Союз и его исторические предшественники) по *политэкономическим* основаниям могут быть классифицированы как «классические» и «неклассические». *Классические* империи, концептуальным воплощением которых была

Великобритания, устроены по принципу эксплуатации «центром» «периферии»; последняя за счет неэквивалентного обмена экономически и политически укрепляет метрополию. Распад связей «метрополия – колонии» имел следствием утрату Великобританией *глобального* геополитического статуса с последующим превращением Англии в государственный субъект *вспомогательного* значения.

Несколько иначе работали внутренние механизмы воспроизводства в империях *неклассического* типа, в частности в Австро-Венгрии и монархической России / Советском Союзе. Под влиянием многочисленных геополитических вызовов в правящих кругах обоих государств возникла экзистенциальная по значимости идея *внешнего контура безопасности*, смысл которой состоял в охране ядра системы (Альпийской Австрии и собственно России) от внешних посягательств с помощью государств и территорий, находящихся в *субсидиарной* зависимости от имперских центров. Впоследствии прекращение субсидиарных отношений, несмотря на неизбежное сжатие территории, не влекло за собой необратимых экономических и (гео)политических последствий. «Деколонизация» теоретически создавала условия для концентрации внутренней материально-ресурсной и духовно-интеллектуальной энергии общества, т.е. бывшего экономического и военно-политического стержня империи, на реализации «повестки развития».

На Западе распад Советского Союза однозначно интерпретировался как предвестник дальнейшего ослабления России и неизбежной утраты страной статуса мировой державы. Такой взгляд имплицитно опирался на методологию *институционального* анализа (особо почитаемую в англо-саксонских странах), рассчитанного на *ста-*

тической, неизменное состояние международной системы и фактически игнорирующего диалектику и динамику как руководящие принципы эволюции обществ. Подвижность и цикличность международной жизни в начале третьего тысячелетия лапидарно и емко описал пакистанский автор Д. Хиро, проживающий в Англии: «Постимперский мир (т.е. международная система после дезинтеграции *Raх Amerigana*. – А.В.) не будет вращаться вокруг Америки. Не станет он и диалектическим (т.е. построенным на противостоянии. – А.В.) – Соединенные Штаты против Китая, Запад против Азии, демократии против автократий. Развитие событий [в мире] уже имеет следствием формирование международного порядка в составе многих полюсов, сотрудничающих и соперничающих друг с другом, тогда как ни одному из этих полюсов не будет позволено утвердиться в качестве силы-гегемона. Говоря без обиняков, стародавний баланс сил вновь взялся за привычную работу» [Hiro 2010, pp. 5–6]. Таким образом, в начале 2010-х гг. материализуются представления П. Кеннеди о *новых влиятельных субъектах* (сейчас их принято называть региональными лидерами), ряды которых в XXI в. пополнили Турция и Иран; серьезные претензии на эту роль предъявляет Саудовская Аравия. Все четче как о геополитической общности заявляет о себе геоэкономическая группировка АСЕАН. «Левый поворот» в Латинской Америке напрямую связан с перегруппировкой сил на национально-этнической основе и отражает коллективное стремление нескольких государств отстаивать свои экономические и политические интересы. Правда, интеграционные процессы в Африке пока не достигли зрелых форм, но стремление к объединению усилий просматривается все четче.

Движение к новой, *полицентрической* организации мирового пространства отражает происходящее сейчас беспрецедентное усложнение современного мира, его строения и структуры. Новые страны вливаются в этот колоссальный по своим масштабам процесс в качестве реальных участников мирополитических событий. Естественно, что эти государства требуют гарантий для своей безопасности. Надежды на «глобальное управление», на регулирование глобализации в интересах основной части мирового народонаселения, на что рассчитывали видные интеллектуалы на Западе и Востоке [Nayyar 2002], оказались тщетными. Видимо, настало время преобразования «глобального управления» в общемировую систему *коллективной безопасности*.

Построение такой системы, как представляется, следует начинать с преобразования Восточного Средиземноморья, нынешнего главного «инкубатора» многочисленных меж- и внутригосударственных конфликтов, в основе которых – сложное напластование исторических, культурных, религиозных и этнических противоречий. Жизненно необходимо всеми возможными переговорными средствами связать взаимными обязательствами страны Восточного Средиземноморья (и их правительства) и соседние государства в единую систему коллективной безопасности. Если эта модель окажется работоспособной, то принципы и механизмы ее деятельности можно будет распространить на другие государства Азии, а затем – и на другие континенты, включая Европу.

В успешной полицентрической организации мирового пространства многое в конечном счете будет зависеть от эффективной политики «новых влиятельных стран», а также России. Повестка действий для нашей страны

определена *крымским консенсусом*, стихийно сложившейся в общественном сознании краткой и емкой программе поведения, состоящей из двух базовых принципов, находящихся по отношению друг к другу в зависимости *взаимной дополнителности*: 1) активной внешнеполитической деятельности на началах суверенитета и «стратегической автономии» и 2) энергичного экономического роста, способного решать социальные проблемы и постоянно подталкивать развитие науки и техники, т.е. четвертой промышленной революции.

Полицентрическая организация ойкумены – дефиниция слишком общая, чтобы выявить частные, но важные особенности новой мировой и региональной политики, почувствовать действие механизмов, обеспечивающих интеграцию человечества (либо создающих препятствия разрыванию данного процесса), оценить соотношение начал *горизонтальной* и *вертикальной* интеграции формирующейся глобальной целостности. Можно согласиться с А.И. Неклессой: модель грядущего мирового устройства будет иметь *многоярусный* характер [Ильин, Иноземцев 2001, с. 145]. Однако на наш взгляд процессы глобализации к началу 2020-х гг. основательно пошатнули основы классификации, опирающейся на привычные принципы историко-политической картографии. Процессы глобализации видоизменяются под воздействием *параметрических* состояний: становящейся необратимой деградации среды обитания, неуправляемых демографических процессов и прогрессирующего повышения нагрузки на ресурсный потенциал Земли, принимающей угрожающие размеры безработицы, пополнения населения городов (теперь уже и в странах «золотого милли-

арда») массовыми группами мигрантов и их превращение в средоточие острых экономических и социальных проблем, резкого падения образовательных стандартов населения.

Представляется, что архитектура международной системы ближайшего будущего, отражая процессы, начавшиеся в середине 1980-х гг., сохранит «табель о рангах», извечно присущую мировой политике. «Короткая эра униполярной американской гегемонии, – полагает французский культуролог К. Карпентье де Гурдон, – быстро клонится к закату как вследствие внутренних процессов упадка и дезинтеграции внутри самих Соединенных Штатов, так и, частично, как реакция на быстрый рост азиатских гигантов – Китая, Индонезии и Индии, от отношений с которыми многие страны, включая Австралию и даже США, начинают все больше зависеть в экономическом отношении; происходит [экономическое и геополитическое] восстановление России; усиливается автономия стран Латинской Америки...; не купировано неповиновение стран «оси сопротивления»: Ирана, Северной Кореи, Кубы и Сирии, в определенной степени поддерживаемых новыми великими державами Востока и Юга» [de Gourdon 2014, p. 5]. Учитывая развивающиеся в мировой политике тенденции, автор полагает возможным выделить две группы государств («А» и «Б») в качестве несущих конструкций будущей глобальной архитектуры.

В группу «А», как представляется, войдут: Бразилия, США, образующие историко-экономическое ядро страны Западной Европы, Россия, Индия, Китай, Япония. Они станут новыми гравитационными полями, поддерживающими целостность мирового пространства, несмотря на существующие между этими субъектами межгосударственные противоречия.

Группу/эшелон «Б» составят новые региональные лидеры: Аргентина, Венесуэла (несмотря на сохранение внутриполитической напряженности), Мексика, ЮАР, Нигерия, Египет, Турция, Иран, Индонезия и т.д. Основной функцией стран эшелона «Б» станет, вероятно, сохранение регионального порядка/стабильности в условиях фактического отсутствия региональных международных институтов поддержания мира. (Призывы к трансформации ООН косвенно свидетельствуют о неопределенности с внедрением принципов и норм глобальной и всеобщей безопасности.) Новый мировой порядок, какими бы размытыми ни были его будущие контуры, будет строиться на развитии многостороннего сотрудничества между государствами на *горизонтальной* (т.е. не зависимой от руководящего центра) основе.

Сегодня реформа центрального международного института, Организации Объединенных Наций, стала неотложной и неизбежной. Однако чтобы столь масштабная трансформация материализовалась, необходим *новый глобальный консенсус*, строящийся на основе *субъектно-субъектных* отношений и сопровождаемый далеко идущей трансформацией мировой финансовой архитектуры. Переход к полицентрической организации ойкумены займет определенное время. На этот переходный период миру необходимы несущие конструкции глобальной и региональной стабильности, роль которых могли бы выполнять уже существующие форматы международных отношений (ШОС, БРИКС, ЕС, НАТО, АСЕАН и т.п.). Координация деятельности такого рода межгосударственных форматов могла бы снизить экономические и геополитические издержки «опасного перехода» [Bagchi 2006] от несостоятельного Pax Americana к полицентрической организации

мирового пространства, адекватно отражающей реальное многообразие современного мира.

Список литературы

- Володин А.Г., Широков Г.К. (2002) Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М.: Институт востоковедения РАН.
- Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. (1979) Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.: Наука.
- Ильин М.В., Иноземцев В.Л. (ред.) (2001) Мегатренды мирового развития. М.: Экономика.
- Неру Дж. (1955) Открытие Индии. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Петров А.М. (ред.) (2011) Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М.: Институт востоковедения РАН.
- Флорида Р. (2018) Новый кризис годов. М.: Издательская группа «Точка».
- Bagchi A.K. (2006) *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*, New Delhi: Oxford University Press.
- Bichler S., Nitzan J. (2004) *Dominant Capital and the New Wars* // *Journal of World Systems*, vol. 10, no 2, pp. 255–327 // <http://jwsr.pitt.edu/ojs/index.php/jwsr/article/view/304/316>, дата обращения 31.10.2019.
- Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?* N.Y.: St. Martin's Press.
- Carpentier de Gourdon C. (2014) *Changing Contours of World Politics*. (Mimeo), New Delhi: World Affairs.
- Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) *Leading the World Economically*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, N.Y.: Free Press.

Gilpin R. (2000) *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Gott R. (2000) *In the Shadow of the Liberator: Hugo Chavez and the Transformation of Venezuela*, L.: Verso.

Gowan P. (1999) *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance*, L.: Verso.

Hiro D. (2010) *After Empire: the Birth of a Multipolar World*, N.Y.: Nation Books.

Huntington S.P. (2004) *Who Are We? America's Great Debate*, N.Y.: Penguin Books.

Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers*, N.Y.: Vintage Books.

Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy: 1500 to 1990*, N.Y.; Oxford: Oxford University Press.

Luttwak E. (1999) *Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy*, N.Y.: Harper Collins.

McRae H. (1995) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future*, L.: Harper Collins Publishers.

Micklethwait J., Woolridge A. (2000) *A Future Perfect: The Challenge and Hidden Promise of Globalization*, N.Y.: Crown Publishers.

Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*, New Delhi: Oxford University Press.

Nayyar D. (ed.) (2002) *Governing Globalization. Issues and Institutions*, New Delhi: Oxford University Press.

Pogge T.W. (2000) *The Moral Demands of Global Justice* // *Dissent*, vol. 47, no 4, pp. 37–43.

Rostow W.W. (1998) *The Great Population Spike and After. Reflections on the 21st Century*, Oxford: Oxford University Press.

Saul J.R. (2005) *The Collapse of Globalism and the Reinvention of the World*, N.Y.: Penguin Books.

Steger M.B. (2002) *Globalization: The New Market Ideology*, Boston: Rowman and Littlefield Publishers.

Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, L.: Nicholas Brealey Publishing.

van Zoon K. (2009) *Of Pluralization, Assimilation and Polarization. An Enquiry into the Development of the Multicultural Society in the Netherlands*. (Mimeo), Vienna: University of Vienna.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

The Formation of the Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the Twentieth Century

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2019) The Formation of the Polycentric World Order as a Continuation of the Geopolitical Processes of the Twentieth Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 6–31 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-6-31

Received: 10.08.2019.

The article has been financially supported by the grant of the Russian Science Foundation 19-18-00251 entitled “Socio-economic development of Europe’s megacities: role of foreign investment and labour migrations” elaborated at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University).

ABSTRACT. *The article is focused on the evolution of geopolitical arrangements that had initially materialized in the concluding quarter of the twentieth century and had given birth to the contemporary world politics paradigm including the growing role of Russia. The present author maintains that the very process of History is objective (i.e. independent of political establishment’s likes and dislikes) and continuous. This point is argued by appeal to various academic sources, among them the works of Russian and foreign historians, economists, philosophers, political scientists and futurologists. The dismemberment of the U.S.S.R. and collapse of bipolar world suspended, for a short while only, the developments at the sunset of the twentieth century. “Truncated” global-*

ization resulted in “reactive” accumulation of controversies both between the North Atlantic “supercivilization” and the “rest” and within societies that emerged victorious after the cold war. The new vulnerabilities consisted of: deindustrialization as a side-effect of globalization, “orientalization” of western societies as part and parcel of massive migration inflows from the South, political and economic decline encouraged by disappearance of powerful “counter-centre” embodied by the Soviet Union, waning of economically active population under existent demographic trends throughout the West, etc. Instrumental of cold war revision have also been: emergence of radical anti-West megaprojects like the “Islamic State”, gaining strength by the erstwhile “new in-

fluentials” as well as revival of Russia as an omnipotent world power. Nowadays, Pax Americana has become inefficient to be substituted by a new and workable global consensus on universal collective security system that meets the basic requirements of contemporary multipolar world.

KEY WORDS: “end of history”, new influentials, USSR, USA, Washington consensus, truncated globalization, “orientalization” of the West, split of civilization, antiglobalism, turbocapitalism, polycentric world system, new global consensus, H. McRae, Ch. Kindleberger, W.W. Rostow, B.R. Nayar, P. Buchanan

References

- Bagchi A.K. (2006) *Perilous Passage. Mankind and the Global Ascendancy of Capital*, New Delhi: Oxford University Press.
- Bichler S., Nitzan J. (2004) Dominant Capital and the New Wars. *Journal of World Systems*, vol. 10, no 2, pp. 255–327. Available at: <http://jwsr.pitt.edu/ojs/index.php/jwsr/article/view/304/316>, accessed 31.10.2019.
- Buchanan P.J. (2011) *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?* N.Y.: St. Martin's Press.
- Carpentier de Gourdon C. (2014) *Changing Contours of World Politics*. (Mimeo), New Delhi: World Affairs.
- Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) *Leading the World Economically*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Florida R. (2018) *New Crisis of Cities*, Moscow: “Point” Publishers Group (in Russian).
- Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*, N.Y.: Free Press.
- Gilpin R. (2000) *The Challenge of Global Capitalism: The World Economy in the 21st Century*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gott R. (2000) *In the Shadow of the Liberator: Hugo Chavez and the Transformation of Venezuela*, L.: Verso.
- Gowan P. (1999) *The Global Gamble: Washington's Faustian Bid for World Dominance*, L.: Verso.
- Hiro D. (2010) *After Empire: the Birth of a Multipolar World*, N.Y.: Nation Books.
- Huntington S.P. (2004) *Who Are We? America's Great Debate*, N.Y.: Penguin Books.
- Ilyin M.V., Inozemtsev V.L. (eds.) (2001) *Megatrends of World Development*, Moscow: Economica (in Russian).
- Kennedy P. (1989) *The Rise and Fall of the Great Powers*, N.Y.: Vintage Books.
- Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy: 1500 to 1990*, N.Y.; Oxford: Oxford University Press.
- Luttwak E. (1999) *Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy*, N.Y.: Harper Collins.
- McRae H. (1995) *The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future*, L.: Harper Collins Publishers.
- Micklethwait J., Woolridge A. (2000) *A Future Perfect: The Challenge and Hidden Promise of Globalization*, N.Y.: Crown Publishers.
- Nayar B.R. (2005) *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*, New Delhi: Oxford University Press.
- Nayyar D. (ed.) (2002) *Governing Globalization. Issues and Institutions*, New Delhi: Oxford University Press.
- Nehru J. (1955) *The Discovery of India*, Moscow: Foreign Literature Press (in Russian).
- Petrov A. (ed.) (2011) “Catch-up Development” and What it is Catching Up With. *A Search for Conception*, Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Pogge T.W. (2000) The Moral Demands of Global Justice. *Dissent*, vol. 47, no 4, pp. 37–43.

Rostow W.W. (1998) *The Great Population Spike and After. Reflections on the 21st Century*, Oxford: Oxford University Press.

Saul J.R. (2005) *The Collapse of Globalism and the Reinvention of the World*, N.Y.: Penguin Books.

Steger M.B. (2002) *Globalization: The New Market Ideology*, Boston: Rowman and Littlefield Publishers.

Thurow L. (1996) *The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World*, L.: Nicholas Brealey Publishing.

van Zoon K. (2009) *Of Pluralization, Assimilation and Polarization. An Enqui-*

ry into the Development of the Multicultural Society in the Netherlands. (Mimeo), Vienna: University of Vienna.

Volodin A.G., Shirokov G.K. (2002) *Globalization: Origins, Trends, Perspectives*, Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zhukov Ye.M., Barg M.A., Tchernyak Ye.B., Pavlov V.I. (1979) *Theoretical Approaches to the Study of Global History*, Moscow: Nauka (in Russian).